

Е. Г. Неклюдов

«ВОЙНЫ» МЕЖДУ ВЛАДЕЛЬЦАМИ НИЖНЕТАГИЛЬСКИХ И ЛУНЬЕВСКИХ ЗАВОДОВ В НАЧАЛЕ XX В.*

В названии статьи слово «войны» не случайно взято в кавычки. Оно лишь образно характеризует ситуацию, сложившуюся во владении Нижнетагильскими и Луньевскими заводами наследников Павла Павловича Демидова после того, как в 1903 г. с них была снята учрежденная после кончины отца опека и все наследники вступили во владение и управление своими уральскими промышленными имениями, одними из крупнейших в России.

В составе совладельцев были тогда три брата (Елим, Павел и Анатолий) и три сестры (Аврора, Мария и Елена) — дети Павла Павловича Демидова князя Сан-Донато, умершего еще в 1885 г. Вдова Елена Петровна (вторая жена П. П. Демидова, урожденная княжна Трубецкая) еще в 1887 г. согласилась не участвовать во владении уральскими заводами, получив взамен имения во Флоренции и на Украине и 120 тыс. руб. ежегодной ренты.

Во владении Нижнетагильскими и Луньевскими заводами впервые за много лет установилась довольно типичная форма так называемого «многовладения», которая была опасна своими негативными последствиями. С целью их преодоления в 1896 г. Николай II утвердил особое Положение об управлении, которое было призвано урегулировать имущественные отношения между шестью совладельцами.

«Для более удобного определения степени участия каждого из владельцев» имение было поделено на 1050 условных паев. Законом устанавливалось, что по 275 паев принадлежало братьям и по 75 — сестрам. В соответствии с этим раскладом распределялись между ними и доходы от имения. В Общем собрании — главном органе управления, собиравшемся, как правило, дважды в год, — каждый из совладельцев при решении вопросов имел столько

голосов, сколько ему принадлежало долей владения. Чтобы собрание считалось легитимным, на нем должны были присутствовать пайщики или их поверенные, представлявшие 3/4 всех голосов. Простым большинством голосов утверждались сметы расходов и доходов, а также назначались члены постоянно действующего в Петербурге Главного правления имением, которые и вершили дела заводов. Более существенные вопросы, касавшиеся, например, движения собственности, принимались большинством в 2/3 голосов. Совладельцы получили право передавать свои доли или продавать их другим участникам общего владения.¹

Такая система управления сохранялась без существенных перемен до 1917 г., но в составе владельцев и в распределении паев между ними за это время произошли изменения, связанные в первую очередь со смертью двух совладельцев. В 1904 г. скончалась Аврора Павловна Демидова. Ее доля владения, составлявшая к тому времени 50 условных паев, в результате досталась восьмерым ее наследникам — мужу пфальцграфу Никола-Джованни-Мария ди Ногера, их детям Альберту, Джованни, Амедео и Елене ди Ногера, а также сыновьям от первого брака со светлейшим князем Арсеном Карагеоргиевичем (братом сербского короля Петра I) — принцу Павлу и близнецам Сергею и Николаю (которые, впрочем, не признавались Арсеном своими детьми). Малолетних наследников взяли под свою опеку Мария Павловна и ее муж князь Семен Семенович Абаменко-Лазарев. Через пять лет, в 1909 г., скончался бездетный Павел Павлович Демидов, передавший свою долю владения старшему брату Елиму. В результате именно он стал владельцем большей части паев Нижнетагильских заводов (580 из 1050 или 55%), что позволяло ему играть первостепенную роль в управлении и назначении членов Главного правления.

Окончив в 1890 г. Императорский Александровский лицей, Елим Павлович связал свою судьбу с дипломатией. С 1894 г. он состоял при посольстве России в Лондоне, в 1902 г. был назначен первым секретарем посольства в Мадриде, в 1903 г. — в Копенгагене, в 1905 г. — в

Неклюдов Евгений Георгиевич — д.и.н., г.н.с. сектора экономической истории Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: ntplant9@mail.ru

* Исследование проведено в рамках программы Отделения историко-филологических наук РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России» проект «Урал в контексте российской истории: эволюционная динамика социокультурного развития в XVI–XIX вв. (традиции изучения и концептуализация)»

¹ ПСЗ-III. Т. 16. № 13273.

Вене. С 1908 г. служил чиновником особых поручений при Министерстве иностранных дел, с 1911 г. — в Париже. Апогеем его дипломатической карьеры стало назначение российским посланником в Афинах в 1912 г. с получением чина действительного статского советника. В связи с необходимостью постоянного пребывания за границей он не мог присутствовать на всех совещаниях Главного правления и на Общих собраниях и даже намеревался уйти в отставку, считая, что «дело важнее карьеры».²

Его доверенным лицом и фактически бесменным председателем Главного правления имени оставался в эти годы действительный статский советник Александр Николаевич Ратьков-Рожнов, бывший вице-директор Департамента железнодорожных дел, председатель правления уральских металлургических синдикатов «Кровля» и «Медь». Между ними установились вполне доверительные, и даже дружеские, отношения. «Сердечно присоединяюсь к Вам в эти трудные минуты, — писал Е. П. Демидов А. Н. Ратькову-Рожнову в сентябре 1906 г. из Вены, — и слежу с благодарностью за неутомимой Вашей деятельностью, столь энергично направленной к восстановлению традиционного двухсотлетнего Тагильского дела. И это не фраза. Помимо извлечения нами материальных выгод от Ваших постоянных усилий, зарождается у меня некоторое чувство приятного удивления при виде прилагаемой Вами энергии по сравнению с поразительной всеобщей апатией русского общества и бездействием правительственных сфер. От души желаю Вам успеха не только для себя, но и для примера, данного Вами нашим дремлющим соотечественникам!»³

В многолетней переписке между ними и отразились те самые «войны» в управлении Нижнетагильскими заводами, связанные, как выясняется, с образованием двух враждующих «партий» совладельцев и их доверенных лиц. По всей видимости, эти альянсы возникли сразу после окончания опеки, когда распределение голосов в Общем собрании еще позволяло создавать значимый перевес в пользу той или иной партии при решении всех вопросов. Во главе одного альянса оказались Елим Павлович и А. Н. Ратьков-Рожнов, во главе другого — Семен Семенович Абамелек-Лазарев, сам лично или через председателя своего Главного

правления П. А. Пепеляева представлявший в Общем собрании интересы своей жены Марии Павловны.

Князь Абамелек-Лазарев, хотя и не занимал высоких должностей, был очень влиятельной персоной в деловом мире. Он считался одним из богатейших предпринимателей России, владел соседним с Луньевскими заводами Пермским горнозаводским именем Лазаревых и конкурировал с Демидовыми на рынках железа, каменного угля и платины. Это, а также амбиции князя, скорее всего, и проявились в характере его участия в управлении Нижнетагильскими заводами. По выражению Софьи Илларионовны Демидовой, жены Елима Павловича, князь «был хитер и не любил Елима».

Впервые в анализируемой нами переписке намеков на влияние князя встречается в сентябре 1906 г., когда Елим Павлович писал по поводу назначения управляющим заводами инженера В. А. Грамматчикова: «Мне казалось бы неуместным завербовать его против согласия Абамелека; отношения наши и без того сильно натянуты». Через несколько лет, в декабре 1913 г., Елим Павлович был вновь обеспокоен «расколом в лоне Правления», на этот раз — из-за управляющего Владыкина. «Чтобы солидарность Правления, стоящая миллионы, не страдала! Чтобы из-за Владыкина не скомпрометировано было общее положение в руку Абамелеков. Вот что важно!» — писал он, подтверждая, что и тогда сохранялись противоречия между ними⁴.

В «группу Абамелека», судя по всему, входил и муж Елены Павловны, член Союза русского народа Николай Алексеевич Павлов, постоянно представлявший ее интересы в Общем собрании владельцев. В январе 1909 г. он даже ненадолго избирался председателем Главного правления. Софья Илларионовна Демидова, участвовавшая в этих собраниях, писала, что Павлов был «путаник и мелочник, говорун и красноречив, ничего в делах не понимающий и ведомый Абамелеком за нос, а может и сам желающий воспользоваться, дурит бесконечно и, кажется, всей душой ненавидит Елима». «Как прошло у Вас Общее собрание? Надеюсь, Вы не встретили никаких затруднений в этой докучливой формальности... Я же прямо не могу и не в силах находиться в обществе Павловых и Пепеляевых...» — признавался Елим Павлович в письме в июне 1910 г.⁵

² ОР РНБ. Ф. 630. Оп. 1. Д. 3. Л. 20–21.

³ Там же. Л. 1–20б.

⁴ Там же. Л. 1–20б., 26–28.

⁵ Там же. Л. 5–6.

Ранее он был более осторожен в своих высказываниях об Общем собрании, поскольку не имел там гарантированного большинства голосов. Но заодно с ним выступал до своей кончины Павел Павлович, имевший самое значительное количество паев (300). Не случайно он, как уже упоминалось, составил завещание именно в пользу старшего брата. «Это завещание очень взбудоражило некоторых членов семьи, — писала в 1909 г. Софья Илларионовна. — Вообще, очень тяжело и грустно, что разлад полный и разлад с интригами, действиями исподтишка и всею гадостью, которую только можно вообразить. Анатолий, главный, который мог обидеться завещанием Павла, ведет себя лучше всех. Что Абамелек хочет, для нас непонятно, но он все тормозит и мешают. Дня три тому назад было Общее собрание владельцев, на котором должны были решаться очень важные принципиальные вопросы. До открытия заседания Елим обратился при всех к нашему юрисконсульту с вопросом, легально ли собрание, тот отвечает, что да, так как более 3/4 пайщиков или представителей пайщиков налицо. Тут представитель Абамелека (сам он не явился) опротестовал это заявление, говоря, что так как Елим еще не утвержден в наследстве, то паи Павла не представлены и 3/4 нет. Все возражения юриста на это замечание, что Елим как душеприказчик может и даже должен представлять паи Павла, ни к чему не привели, и заседание было сорвано. И это сделано было в момент серьезный, когда каждый день крупная потеря, сделано было, очевидно, нарочно. Не принять во внимание протест поверенного Абамелека слишком опасно, — поясняла Софья Илларионовна, — так как Абамелек такой господин, что способен придрататься и судом и чем угодно против всякого решения, принятого в этом Общем собрании».⁶

Понятно, что в ситуации, сложившейся после перехода дополнительных 300 условных паев Елиму Павловичу, враждебный альянс Абамелека–Павлова, представлявший всего 215 голосов (или 21%, включая долю подопечных Карагеоргиевичей и Ногера), уже не мог иметь влияния на текущие дела (решавшиеся простым большинством голосов), но все же мог рассчитывать на какое-либо значение при решении важнейших вопросов управления

(требовавших 2/3 голосов) в случае поддержки Анатолия Павловича. Последний, скорее всего, предпочитал извлекать выгоду из такого удобного для него положения, добиваясь увеличения своих дивидендов. Но, поскольку в Главном правлении доминировали представители Елима Павловича, чаще склонялся он все-таки в их сторону. Так, в марте 1913 г. Елим Павлович убеждал А. Н. Ратькова-Рожнова в том, что его «опасение относительно Анатолия не выдерживает... критики. Влияния на него Абамелека нечего бояться... Во всяком случае, я мог бы Анатолию написать и восстановить его колеблющееся настроение». «Анатолий усиленно домогается получения большего дивиденда, и что он навсегда удовлетворился бы 72 тыс. руб. в год, — объяснял Елим Павлович причины своей уверенности. — Я склонен думать, что следовало бы пойти ему навстречу, дабы отнять у него поводы к недовольству... Оно и не ляжет таким тяжелым бременем на нас». Когда в начале 1914 г. из Парижа, где жил Анатолий, пришло известие о его болезни и приезде туда четы Павловых, Елим Павлович ограничился лишь письмом «с выражением сочувствия и надежды скорого выздоровления». «Что же касается посещения Павловыми, — размышлял он, — то я не придаю этому обстоятельству особого значения, ибо у бедняжки, во всяком случае, наибольший интерес оставаться с нами. Вообще мне что-то кажется, что Павлов несколько потерял прежний пыл и примирился с необходимостью».⁷

Таким образом, в демидовском семейно-паевом товариществе в начале XX в. сложилась в общем-то типичная для многовладения ситуация конфронтации между его участниками по некоторым важнейшим вопросам управления. Особенность двух враждующих альянсов заключалась в видимом противостоянии братьев и сестер, голосами которых манипулировали их представители в Общем собрании. Благодаря наличию преобладающего числа голосов ведущее положение занимала группа Елима Павловича, поскольку к ней до своей ранней кончины принадлежал и Павел Павлович. Голоса Анатолия Павловича, как видно, «покупались» братьями за уступки в вопросе о величине его дивидендов. Активно поддерживала Елима Павловича и его деятельная жена Софья Илларионовна, дочь влиятельного министра Императорского Двора, а позже заместника на

⁶ Цит. по: Ипполитова Г. Аврора Демидова — графиня Ногера. СПб., 2009. С. 50, 51.

⁷ ОР РНБ. Ф. 630. Оп. 1. Д. 3. Л. 11–12, 14–15, 17–18, 31–32.

Кавказе графа И. И. Воронцова-Дашкова. Ее присутствие на заседаниях Общего собрания муж даже считал полезным для сохранения «солидарности правления». «Жена, находящаяся теперь в Петербурге, может быть, несколько способствует примирению умов, — писал он из Афин в апреле 1913 г. — Женская атмосфера часто смягчающе действует не столько логичностью мысли, сколько врожденным чутьем и деликатностью чувства. Мне кажется, что присутствие иногда на заседаниях Правления и Зинаиды Владимировны (жены А. Н. Ратькова-Рожнова, урожденной Философовой, кузины знаменитого импресарио С. П. Дягилева) наладило бы много и устранило бы немало шероховатостей». В особо сложных ситуациях Елим Павлович склонялся даже к возможности привлечь на свою сторону Елену Петровну Демидову, жившую в Одессе. В том же письме, например, он давал согласие на уплату мачехе просроченных денежных сумм и предлагал написать ей «о желательности ее воздействия на двух наших анабаптистов» (имелись в виду ее дочери и их мужья). «Она теперь, пожалуй, удовлетворенная получением просроченных платежей, скорее нам симпатизирует», — размышлял он.⁸

Конфронтация не только проявлялась на заседаниях Общего собрания, но и отражалась на работе заводов. Особенно это стало заметно, когда, выйдя с огромными долгами из острейшего экономического кризиса 1907–1909 гг., Главное правление разработало грандиозный план реконструкции Нижнетагильских и Луньевских заводов. Для финансового обеспечения плана А. Н. Ратьков-Рожнов предложил, в частности, выделить из состава окружного хозяйства наиболее доходную, платиновую, отрасль и создать на ее основе акционерное общество из владельцев. Эту идею Елим Павлович поддержал безоговорочно, но она натолкнулась не только на посессионные ограничения, которые он рассчитывал преодолеть благодаря своему высокому статусу посла и связям с председателем Совета министров В. Н. Коковцовым, но и на противодействие враждебного альянса в собственном семейно-паевом товариществе.

Хотя формальными мотивами отказа в акционировании, последовавшего в июле 1913 г., оказались все-таки принцип «нераздробимости» посессионных имений и нахождение ок-

руга под залогом, сыграли свою роль и происки «партии сестер». Известно, что Елена Павловна Павлова опротестовала состоявшуюся 1 декабря 1912 г. регистрацию акционерного общества как противозаконную. Общество, уверяла она, было организовано в нарушение договора 1909 г. с Платино-промышленной анонимной компанией на поставку рудного концентрата с демидовских приисков, хотя этот контракт был к декабрю 1912 г. уже расторгнут. Нетрудно догадаться, полагают специалисты, что пером жалобщицы водил один из акционеров этой французской компании, князь С. С. Абамелек-Лазарев.⁹

В сложившейся ситуации Елиму Павловичу ничего не оставалось делать, как укрепить свои позиции путем получения требуемого большинства голосов (2/3) в Общем собрании, что позволило бы ему сконцентрировать управление исключительно в своих руках. Единственным способом осуществления этого намерения была скупка паев у Анатолия Павловича, который, видимо, никогда и не стремился участвовать в управлении и заботился только о получении своих дивидендов. В 1913 г. у Елима Павловича как раз появились дополнительные средства для этой покупки после кончины дальнего родственника, Юрия Степановича Нечаева-Мальцова. По его завещанию Е. П. Демидову досталась «нечаяевская часть» огромного наследства, которая включала Сторожевское имение в Тульской и Рязанской губерниях, дом в Петербурге по ул. Сергиевской, около 3 млн руб. во вкладах в Государственном и Волжско-Камском банках, а также драгоценности и серебро. (Знаменитые Мальцовские железные и стекольные заводы перешли наследнику по другой линии — графу П. Н. Игнатьеву.¹⁰)

Владея 580 паями, Елим Павлович намеревался заполучить хотя бы еще 120 долей. «На мой взгляд, если решиться на покупку столь значительного количества паев, — писал он в декабре 1913 г., — то следует приступить к переговорам не теряя времени, до выяснения хотя бы первых результатов Тагильского

⁸ Там же. Л. 14–15.

⁹ См.: Буранов Ю. А. Акционирование горнозаводской промышленности Урала (1861–1917 гг.). М., 1982. С. 233; Дмитриев А. В. Французские инвестиции в платиновую промышленность Урала (конец XIX — начало XX в.) // Альманах Международного Демидовского фонда. М., 2003. Вып. 2. С. 14–16.

¹⁰ См.: Макушев А. А. Предпринимательская деятельность Мальцовых во второй половине XVIII — начале XX в.: индустриальное наследие. Саранск, 2006. С. 97–99.

переоборудования... Конечно, у меня иногда является сомнение относительно вложения всего моего состояния в одно дело — Тагильское. Ведь все же возможна какая-нибудь неожиданность, в особенности если припомнить недавние еще времена ужасного кризиса. Что, если, не дай Бог, переустройство не даст желаемых результатов и поглотит безгарантийно 2–3 млн, которые будут взяты у меня? <...> Все это я говорю Вам конфиденциально, не с целью отказать в поддержке Тагилу, а для ясней отдачи себе отчета в наших действиях... Пусть Подменер переговорит об этом с Анатолием в Ницце. В сущности говоря, покупка нескольких паев больше или меньше не имеет особенного значения, лишь бы составилось двух-третье большинство... Полагал бы желательным, чтобы на первых порах переговоры между Подменер и Анатолием проходили неофициально, дабы сначала выяснить его отношение к вопросу».¹¹

Очевидно, что на стороне Елима Павловича в этом деле выступал тесть Анатолия Павловича банкир К. Г. Подменер, который принял на себя эту миссию, видимо, ввиду болезненного состояния своего зятя. В недатированном письме А. Н. Ратьков-Рожнов сообщал об очередном ухудшении здоровья Анатолия Павловича. «Хотя теперь... ему лучше, — констатировал председатель Главного правления, — но случай этот заставляет еще более признать покупку паев желательной... Подменер едет в Ниццу в середине декабря и будет говорить с Анатолием Павловичем».¹² Тогда председатель рассчитывал перекупить 135 паев по 5 тыс. руб. на общую сумму 675 тыс. руб. Но, видимо, такое предложение не устроило совладельца, а начавшаяся мировая война на какое-то время отодвинула план покупки его паев.

Попытка была возобновлена в 1916 г., когда в тяжелое военное время было принято судьбоносное решение акционировать Нижнетагильские и Луньевские заводы. Даже представители «партии сестер» в Общем собрании согласились с этим. П. А. Пепеляев, например, утверждал, что продать имение «было необходимо, так как заводы остались совсем без денег, а долгов было очень много». Хотя после кончины в 1916 г. князя С. С. Абамелек-Лазарева эта «партия» значительно ослабила свои позиции, тем не менее, в новом правлении ак-

ционерного общества вновь могла повториться ситуация конфронтации. Она уже проявилась на Общем собрании владельцев 24 марта 1917 г., когда обсуждались условия продажи округа. Как записано в постановлении, «на продажу на сказанных условиях не согласился Павлов». Особое мнение составил также П. А. Пепеляев, который писал своей доверительнице Марии Павловне Абамелек-Лазаревой во Флоренцию: «Тагильские заводы Елим Павлович продал и, по моему мнению, дешево».¹³ Понятно, что «основной владелец» и инициатор продажи имения Е. П. Демидов в такой ситуации желал максимально укрепить свои позиции в будущем обществе и ослабить до минимума влияние остальных совладельцев. Еще в 1913 г. он писал А. Н. Ратькову-Рожнову по этому поводу: «Вопрос, понятно, был бы упрощен при создании акционерного общества, но до этого времени каким образом поступить? Опасаюсь, как бы не поднялся гвалт со стороны наших противников. Будь у меня средства для приобретения всех паев, я бы ни минуты не колебался...».¹⁴

В 1916 г. предполагалось скупить паи максимум по 10 тыс. руб., на что соглашался выделить ссуду под будущие акции крупнейший (второй по оборотам в империи) Русский для внешней торговли банк, в правление которого входили уже упоминавшийся тесть Анатолия Павловича К. Г. Подменер и отец председателя Главного правления вице-адмирал Н. А. Ратьков-Рожнов.

Из писем в Афины проясняется весь ход этой трагикомической «операции», ярко характеризующей одного из совладельцев Нижнетагильских и Луньевских заводов. Для переговоров в Финляндию, где на своей вилле в Териоки находился тогда Анатолий Павлович, был направлен член правления Н. С. Толмачев. «Анатолий Павлович и его близкие отнеслись к вопросу продажи паев и к намечаемым условиям благоприятно, — сообщал А. Н. Ратьков-Рожнов в январе 1917 г. — Однако через некоторое время, а именно в начале декабря... Анатолий Павлович остановился на следующем: “Мне важно иметь постоянный доход, который позволил бы мне жить так, чтобы мне хватало; меня устроил бы такой доход в размере 150 тыс. руб. в год. Вот я и желал бы

¹¹ ОР РНБ. Ф. 630. Оп. 1. Д. 3. Л. 22–23.

¹² Там же. Д. 1. Л. 2–10.

¹³ РГИА. Ф. 37. Оп. 65. Д. 1945. Л. 20–21, 27; Ф. 880. Оп. 1. Д. 885. Л. 40–41.

¹⁴ ОР РНБ. Ф. 630. Оп. 1. Д. 3. Л. 22–23.

получить за пай такую сумму, с которой получилось бы 150 тыс. руб.». Н. С. Толмачев передал председателю Главного правления решение А. П. Демидова «как окончательное». Вместе они подсчитали, что покупная сумма окажется на 200 тыс. руб. больше, чем предполагалось, и составит 2750 тыс. руб. Тем не менее, Н. С. Толмачев поручил своему адвокату «писать условия», а А. Н. Ратьков-Рожнов оставил ему доверенность «на подписание запродажной» и спокойно уехал на заводы. Однако дело неожиданно забуксовало: «Анатолий Павлович стал колебаться, у него явилось опасение, что цена дешёва». «Узнав об этом по возвращении, — извещал председатель, — я решил тотчас же поехать к нему, чтобы прийти к какому-либо окончательному решению... Провели мы с Толмачевым у Анатолия Павловича более четырех часов; разговаривали в присутствии его жены, начали с 2750 тыс., затем он останавливался на цифре 2,9–3 млн, но все неокончательно. В это время пришли доложить, что *coiffeur* больше не может ждать, и Анатолий Павлович (с женой) пошел стричься, причем обещал нам подумать и по возвращении сказать свое окончательное решение. И вот, возвратившись, объявил цифру 3,1 млн руб.». Председатель отвечал, что должен посоветоваться с Елимом Павловичем. «Это было за 20 минут до времени, когда нам надо было уезжать, чтобы поспеть к поезду, — сообщал он. — Десять минут меня уговаривали согласиться, а когда уговорили и когда Анатолию Павловичу надо было подписать доверенность, то он опять стал колебаться, просил оставить доверенность у него, говоря, что подпишет потом и пришлет ее Толмачеву, так что нам всем троим — Толмачеву, Евгении Клементьевне (жене Анатолия Павловича — *Е. Н.*) и мне — стоило немалого труда убедить его тут же доверенность подписать, чтобы мы могли ее увезти с собою. Но и после этого у Анатолия Павловича явились некоторые сомнения по поводу условной суммы, к счастью не существенные, и сегодня Толмачев опять поехал в Териоки дать ему для подписи желаемые им изменения редакции соглашения. Завтра или послезавтра договор должен быть подписан у нотариуса».¹⁵

На судьбоносном Общем собрании 24 марта 1917 г. из совладельцев лично никто не присутствовал. Все они пребывали тогда за границей. Хотя, как уже упоминалось, не все

участники собрания, представлявшие владельцев, были согласны с условиями продажи заводов, безусловным большинством голосов, уже имевшимся у представителя Е. П. Демидова, было принято решение «поручить Главному правлению продать все недвижимое имущество, находящееся в составе имения в пределах Пермской губернии, Акционерному обществу Нижнетагильских и Луньевских горных и механических заводов», устав которого был утвержден 17 марта 1917 г. министром торговли и промышленности Временного правительства А. И. Коноваловым. Избранный тогда состав правления акционерного общества был представлен людьми исключительно из окружения Е. П. Демидова и из Русского для внешней торговли банка, помогавшего ему добиться этого. Правда акционерному обществу было отведено судьбой и российской революцией меньше года жизни: 31 января 1918 г. его имущество было национализировано. Все бывшие совладельцы и нынешние акционеры лишились своей собственности в России. Находясь за границей еще до акционирования, они там и остались навсегда, вероятно, забыв о своих прежних распрях, тем более что вместе с национализацией заводов исчез и повод для конфликтов.

Пример борьбы наследников П. П. Демидова князя Сан-Донато в начале XX в. за доли владения и голоса в управлении одним из крупнейших в России горнозаводских имений представляется своего рода «моделью», характеризующей возможные последствия довольно типичной для частного предпринимательства ситуации «многовладения». Она показывает, как отношения по поводу собственности порой легко ломают отношения родства и свойства, ставя близких родственников в ситуацию открытой конфронтации. Смыслом этой борьбы для всех соучастников рассматриваемого конфликта были, судя по всему, финансовые интересы, что, в целом, свойственно частному предпринимательству. Но эта базовая мотивация по-разному акцентировалась у участников конфликта. У одних она сопрягалась с интересами «векового родового дела» и поисками рациональных путей его дальнейшего развития (как у Е. П. Демидова), для других такая ситуация, усложнявшая управление и принятие оперативных решений, оказывалась довольно действенным способом конкурентной борьбы (как, скорее всего, в случае С. С. Абамелек-Лазарева) или средством удовлетворения собственных «карманных интересов» (как у А. П. Демидо-

¹⁵ Там же. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 1506. Л. 34–36.

ва). Дамы-совладелицы сознательно или под влиянием более опытных в делах мужчин, как правило, не занимали самостоятельной позиции. Подобная ситуация и прежде встречалась в истории уральской (и не только уральской) горнозаводской промышленности и не была исключением из правил.¹⁶ Особым в данном случае представляется способ ее преодоления.

Реальным и наиболее эффективным в начале XX в. оказался путь, предусмотренный установленными правовыми нормами деятельности паевых и акционерных обществ в России. Он заключался в получении доминирующего влияния в управлении путем скупки паев владения или акций. Этот путь, как показывает воспроизведенная в статье история, был до-

вольно затратным: он отвлекал значительные капиталы, которые в противном случае могли быть вложены в развитие предпринимательства, и в этом смысле был далеко не идеальным. Но он позволял преодолеть острую ситуацию правовым способом. Суть «войны» между владельцами Нижнетагильских и Луньевских заводов на Урале и способ выхода из нее свидетельствуют о том, что в начале XX в. в России складывались ситуации, типичные для частного предпринимательства предыдущих эпох, но способ преодоления конфликта собственников основывался уже на выработанном индустриальным обществом цивилизованном пути, успешно реализованном тогда на практике.

Ключевые слова: *Урал, горнозаводская промышленность, заводчики, Демидовы, акционирование, частное предпринимательство, горное законодательство*

Eugeny G. Neklyudov

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology,
Ural branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: ntplant9@mail.ru

TRADE «WARS» BETWEEN THE OWNERS OF NIZHNY TAGIL AND LUNJEVO WORKS IN THE EARLY 20TH CENTURY

The article presents an analysis of the history of conflict between the numerous heirs of P. P. Demidov, Prince of San Donato — the owners of the largest in the Urals Nizhny Tagil and Lunjevo works in the early 20th century. Based on their business correspondence the author investigated the subject matter of the conflict and reasons for the confrontation that existed at the time in the works' management, tried to understand the positions of the conflicting parties and the role of individual owners. The author also followed the attempts of the conflicting parties to resolve the dispute using the mechanisms available under the applicable laws of the day.

Key words: *Urals mining industry, breeders, Demidov, private enterprise, joint-stock companies, mining legislation*

REFERENCES FOR CITATION DATABASE

Buranov Yu. A. Moscow: Nauka, 1982, 320 p. (in Russ.).

Dmitriev A. V. *Almanakh Mezhdunarodnogo Demidovskogo fonda: sb. nauch. tr.* (Almanac of the International Demidov foundation: collected papers). Moscow: Izdatelskiy tsentr "Klassika", Issue 2, 2003, pp. 14–16. (in Russ.).

Ippolitova G. St. Petersburg: Tipografiya "Info Ol", 2009, 88 p. (in Russ.).

Makushev A. A. Saransk: Mordovskoe kn. izd-vo, 2006, 380 p. (in Russ.).

Neklyudov Ye. G. *Istoriya predprinimatelstva v Rossii: XIX — nachalo XX v.: sb. nauch. tr.* (The history of entrepreneurship in Russia: XIX — the beginning of the XX century: collected papers). St. Petersburg: Izd-vo "Vysshaya shkola menedzhmenta", Issue 4, 2008, pp. 189–207. (in Russ.).

¹⁶ См.: Неклюдов Е. Г. Феномен «многовладения» и отношение к нему уральских заводчиков в первой половине XIX в. // История предпринимательства в России: XIX — начало XX в. СПб., 2008. Вып. 4. С. 189–207.